

Контуры цифровой реальности: теоретико-методологические аспекты

О.А. Гримов

Юго-Западный государственный университет, Российская Федерация,
305040 г. Курск, 50 лет Октября, 94
grimoleg@yandex.ru

Аннотация

Актуальность. Цифровая реальность и цифровые технологии становятся всё более заметной частью общественной жизни, порождая новые типы социальности, формы социальных практик и взаимодействий. Именно цифровизация становится сейчас главным направлением технологического развития и поэтому является объектом исследовательской рефлексии. Однако, несмотря на значительный интерес самых многочисленных научных дисциплин к проблеме цифровизации и цифровых технологий, до сих пор сам «цифровой» концепт остаётся крайне размытым, отсутствуют чёткие теоретические и методологические очертания цифровой реальности как объекта исследования, не разработан в полной мере соответствующий категориальный аппарат. На восполнение данных пробелов направлена настоящая статья.

Цель. Целью статьи является исследование наиболее важных теоретико-методологических контуров цифровой реальности как концепта социогуманитарной науки.

Задачи. 1) рассмотрение концептуальных рамок проблематизации цифрового дискурса, проявляющихся в разнообразных программных текстах, описывающих опыт пользовательской, экспертной и иной рефлексии; 2) анализ потенциальных институциональных трансформаций, вызванных цифровизацией; 3) выявление форм субъектности, порождаемых цифровыми технологиями; 4) оценка общего потенциала цифровой социологии и «цифровых» методов социологического исследования.

Методология. В статье используются общенаучные методы (индуктивный и дедуктивный метод, анализ, синтез, идеализация).

Результаты. Рассмотрены основные теоретико-методологические контуры исследования цифровой реальности, которые могут служить отправкой точкой дальнейшей разработки цифровой проблематики в социогуманитарной мысли как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Выводы. Изучение цифровой реальности напрямую определяется оценкой порождаемых ею форм субъектности, анализом возможных перспектив и рисков цифровизации, а также рассмотрением наиболее широких контекстов проблематизации цифрового дискурса. Развитие цифровой социологии как отдельной социологической отрасли пока не имеет под собой достаточных оснований, в то время как приобретают всё большее значение основанные на цифровых технологиях социологические методы.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровые технологии, дискурс, цифровая социология, актор.

Конфликт интересов: в представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования; нет результатов научных работ, выполненных автором (авторами) публикации, лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Автор (ы) декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Введение. Современная цифровая реальность является объектом исследования множества научных дисциплин; в то же время анализ этой реальности основывается также на повседневном опыте, характеризующемся режимом пользовательских практик. Однако разнообразие исследовательских подходов, открытость дисциплинарных границ всё чаще приводит к размыванию изучаемого объекта и конструированию множества цифровых реальностей, осуществляющихся в перформативном режиме. Возникает парадоксальная ситуация: цифровые технологии всё активнее входят в нашу жизнь, но само понятие цифровой реальности и цифровых технологий становится всё менее ясным, конкретным и, напротив, часто становится объектом обыденного или конспирологического дискурса, уже имея мало общего со своим первоначальным значением. Именно непрояснённая самаго «цифрового» концепта, отсутствие чётких теоретических и методологических очертаний цифровой реальности, размытость категориального аппарата объясняет актуальность предпринятого в статье исследования, которое направлено на проработку основных теоретико-методологических аспектов цифровой проблематики, а также определение релевантности и перспективности цифровых методов в социологии и «цифровой социологии» как попытки концептуализации цифрового дискурса в социологии.

Методология. Методологической основой статьи являются современные социальные теории, отражающие социально-конструкционистский подход к развитию технологий (акторно-сетевая теория, теория социального конструирования технологий); ряд общенаучных методов и подходов (индуктивный и дедуктивный метод, анализ, синтез, идеализация, системный подход).

Результаты и обсуждение. Одним из направлений теоретической рефлексии цифровой реальности и цифровых технологий [см., например, 1-5], в частности, является анализ последствий их развития. Прогностические практики, описывающие грядущее (пост)цифровое общество, достигающее крайней точки развития благодаря размыванию подлинно человеческой субъектности и вытеснению её цифровой, роботизированной («машинной») субъектностью, весьма характерны для художественного, научного, философского и публицистического дискурса. Хотя границы между данными дискурсами следует признать условными. Характерными жанрами являются

разнообразные утопии и антиутопии – в зависимости от технооптимизма или технопессимизма автора. Особой разновидностью следует признать манифесты – программные тексты, содержащие описание (почти всегда – оптимистичное) контуров грядущего общества, популяризацию идей технологического развития. Объектами манифестаций, имевших различную темпоральную протяжённость и ориентацию, становились: этика криптоанархистов, суверенитет киберпространства, общие параметры ускорения технологических, социальных и политических трансформаций, новые конфигурации субъектности и т.д. (подробнее см. [6]). Однако подобные программные тексты, как правило, становятся со временем лишь одним из элементов гетерогенной темпоральности общего технологического дискурса. В итоге все темпоральные модусы (прошлое-настоящее-будущее) в своих различных конфигурациях могут являться для таких манифестов значимыми коррелятами. Именно возможность взглянуть на программный текст по прошествии времени позволяет значимо ощутить, с одной стороны, его предсказательную силу (если заявленные в нём прогнозы сбылись), с другой – увидеть наиболее устойчивые в прошлом технологические мифологемы, которые часто кажутся нелепыми, наивными и попадают в итоге в копилку прогностических недоразумений или входят в перечень теоретически вероятных, но очень нескорых достижений. Такая судьба, например, постигла многочисленные предсказания о космической экспансии человечества, межзвёздных перелётах уже к началу XXI в., о развитии технологий телепортации и иные несбывшиеся проекты, мечта о которых стала технологически максимально несвоевременной (как в приведённых примерах), так и максимально нецелесообразной (как представления Т.Ф. Андерсона о широком распространении дирижаблей к концу второго тысячелетия [7, с. 9]). В каждом из случаев прогноз не выдерживает проверку практикой: он оказывается или слишком «быстрым», оптимистичным, или, напротив, слишком запаздывает относительно темпов технологического развития и потому стремительно устаревает уже через незначительное время. Так, по мысли К. Ратти и М. Клодела: «сценарии будущего быстро становятся палеобудущим - древними представлениями о вариантах будущего, которые никогда не воплотятся в жизнь» [7, с. 10].

Важным аспектом анализа программных текстов цифровой технологизации и общей прогностики на эту тему является рефлексия социально-экономических последствий широкого внедрения цифровых технологий. Одним из следствий пролиферации цифрового дискурса становится формирование особых конспирологических нарративов – дискурсивных ниш, в которых локализуются наиболее существенные страхи, связанные с цифровизацией – те артефакты массового сознания, которые не сопрягаются с повседневным опытом напрямую, но имманентно сопровождают всевозможные социальные практики (например, потребительские), и выходят за рамки подлинно научного знания. Поиск главных бенефициаров развёрнутой цифровизации, разъяснение их интересов и связанные с этим мрачные прогнозы будущего составляют важную часть

современной массовой культуры относительно цифрового дискурса. Вместе с тем, даже часто будучи абсолютно абсурдными по своему содержанию, подобные конспирологические мифологемы являются важной частью общего социально-культурного ландшафта, определяющего пределы акцепции технологий и инструментальные образцы связанных с ними практик. Примером подобного рода мифов следует признать конспирологические рассуждения об умышленном вреде 5G технологий, насильном чипировании населения и т.д. Как показывает И. Яблоков, несмотря на общемировые и цивилизационные страхи, конспирология может иметь национальный оттенок и колорит, особенно в отношении политических мифов [8]. В целом распространение конспирологического дискурса созвучно тезису о «конце истории» [9], согласно которому проект либеральной демократии воплотил в себе идеальную и завершённую политическую конструкцию. В итоге реакцией на данный тезис является синтез ностальгии по проектам будущего (в том числе смелым и радикальным), утраченным вместе с «концом истории», и утопическому мышлению в целом. В то же время общественное восприятие будущего в значительной мере инспирируется алармистскими воззрениями, описывающими разнообразные катастрофы – с данными настроениями и связано широкое распространение конспирологических мифов, выступающих для подобного алармизма значимой питательной средой.

Одновременно радужными и тревожными – в зависимости от спектра экономико-политических взглядов и общей веры в технологический прогресс – оказываются образы будущих социально-экономических трансформаций, следующих за глобальной цифровизацией. Одной из главных мифологем в этом поле является представление о замене человека машиной (роботом, искусственным интеллектом) и связанные с этим оценки. В. Вахштайн рассуждает на эту тему: «... в науке эта идея закрепилась совсем недавно благодаря исследованиям Всемирного экономического форума и Маккинзи. ВЭФ пять лет назад сообщил, что до 2020 года новые технологии позволят сократить около семи миллионов рабочих мест. Маккинзи за три года до этого обещал еще более внушительные сдвиги: от 110 до 140 миллионов сокращений. И главный удар придется якобы именно на «средний сегмент»: работу сохранят только самые высокооплачиваемые и самые низкооплачиваемые сотрудники. Первые — потому что алгоритм пока не может их заменить, вторые — потому что это экономически невыгодно» [10]. Однако, как отмечает Вахштайн, в реальности всё происходит совсем наоборот. Рутинный, стандартизированный интеллектуальный труд вполне может быть заменён нейросетью, а более сложный – уже едва ли. Так, может быть заменён труд переводчика или интервьюера, а работа социолога-аналитика или редактора пока не может быть выполнена искусственным интеллектом лучше, чем человеком. Вытеснение наименее квалифицированного труда новыми автоматизированными технологиями Вахштайн сравнивает с офшоризацией, которая служит способом повышения экономической эффективности, а также открывает широкие просторы для новых правовых прецедентов в области труда. Вспомним расширительную

трактовку понятия «офшор» социологом Дж. Урри, который в определённой мере развивает идею гетеротопии Фуко и фактически определяет офшор как пространство "не-здесь", на которое не распространяется порядок и закон (экономический, политический, социальный) субъекта-резидента [11]. Распространение подобной офшорной логики на делегирование человеческих функций искусственному интеллекту позволяет обнаружить значительный онтологический суверенитет последнего, потенции которого в социальном и правовом поле с очевидностью требуют новых оптик анализа, которые только начинают вырабатываться.

Не менее важным в этой связи является рассмотрение институциональных трансформаций, связанных с внедрением цифровых технологий. Действительно ли благодаря им возникают новые практики, новые институты, новые ценности? В вышеупомянутой работе В. Вахштайн указывает: «Самые прорывные, революционные, как принято сейчас говорить — «дизруптивные», технические инновации возвращают к жизни самые консервативные, архаичные и, казалось бы, бесповоротно похороненные практики и институты. Соцсети должны были сделать мир прозрачнее, а людей — более «осведомленными». Вместо этого они вернули к жизни племенные ритуалы коллективного негодования, побивания камнями, травли и наветов. Искусственный интеллект воплотил в себе вековую мечту о расколдовывании, демистификации мира. Но лишь для того, чтобы тут же возникла новая религия — датаизм — и новая церковь искусственного интеллекта (созданная инженером Энтони Левандовски). Прогресс технологий — далеко не всегда социальный прогресс» [10]. Таким образом, современные технологии могут не только создавать новые смыслы, но и воспроизводить, казалось бы, давно неактуальные. Именно таким образом транслируется столь распространённый сюжет о возвращении к тоталитаризму и обществу контроля, но уже в новом цифровом облики. Сакрализация и фетишизация современных технологий, проявляющаяся, в числе прочего, в некритичном восприятии и анализе рисков технологизации, коммерческом культе модных гаджетов, отражает реставрацию архаичных форм массового сознания и ставит под сомнение общий прогрессистский дискурс цифровизации.

Отдельного рассмотрения достойна тема формирующихся в цифровой среде форм субъектности. Значительным методологическим потенциалом в этом вопросе обладает акторно-сетевая теория [12-13], постулирующая субъектность и онтологический суверенитет любых человеческих и нечеловеческих акторов, признавая последними даже крайне маргинальные для классического социологического дискурса объекты (включая животных, технологии, предметы, идеи и т.д.). Каждый из них является актором в составе сложной, онтологически полимодальной сети, которая также может выступать важным средством и условием развития знания [14] Таким образом, вопросы о возможности наделения техники самостоятельной субъектностью в современной социогуманитарной мысли решаются вполне однозначно. Более того, активно ведётся поиск методологических инструментов, оптик анализа и

языка описания конкретных конфигураций субъектности в новых цифровых реалиях. Значительные трансформации субъектности очевидны уже при переходе от информационно-технологической парадигмы WEB 2.0 к WEB 3.0., формирующей новые практики экспертной, коллективной деятельности. Внедрение технологий Интернета вещей (условного WEB 4.0) приводит к сети распределённой технической субъектности, приводящей к появлению новых видов акторов, которые представляют собой сложные гетерогенные системы. В.И. Игнатъев называет их техносубъектами: «..техносубъекты ведут себя подобно актёрам, поскольку не только учатся исполнять социальные роли, предписанные им алгоритмами, но и сами создают систему интеракций, конструируя систему социальных взаимодействий, становясь новым видом агента социальных отношений... Его наиболее сложная и разветвленная форма представлена технологической системой Интернета вещей» [15, с. 3150]. Важно, что новые акторы, таким образом, не просто сводятся к выполнению той или иной функции, а становятся важными творцами социального, определяя формат социальных отношений и взаимодействий. Примером подобных техносубъектов В.И. Игнатъевым называются: «роботы, алгоритмы работы с Большими данными, программы машинного обучения, агенты искусственного интеллекта, создаваемые на основе генетического программирования, Интернет вещей, промышленный Интернет, устройства мобильных коммуникаций со встроенным искусственным интеллектом» [15, с. 3150]. В итоге разнородными взаимодействующими между собой человеческими и не-человеческими (в том числе, гибридными – например, киборгами [16]) актёрами формируются новые виды социальности; социальное становится симметрично технологическому по своей организации. На основе этого высказывается гипотеза о структурном подобии социальной и технологической стратификаций [15, с. 3153]. Принципиальным оказывается тот факт, что гетерогенной оказывается не только сеть взаимодействий, но и система темпоральных режимов участвующих актёров. А. Евангели отмечает: «Не существует общего знаменателя и общей почвы для разных актёров, непрерывно взаимодействующих друг с другом в темпорально неоднородной цифровой среде – кроме самой этой среды. В этом взаимодействии они постепенно переопределяют её, обеспечивая становление новых конвенций, протоколов, алгоритмов и обновляя технологии» [17, с. 19.]

Важной концептуальной рамкой социогуманитарного анализа цифровой реальности и цифровых технологий являются отраслевые социологические дисциплины. Ключевой из них является социология техники. Однако всё чаще как некий ответ на расширяющуюся эмпирическую реальность цифрового опыта в общесоциологическом дискурсе звучит утверждение о формировании новой дисциплины – цифровой социологии. Но насколько целесообразно и оправданно, методологически корректно выделение данной дисциплины? Решение данного вопроса может послужить отправной точкой дальнейшего поиска наиболее релевантных теоретико-методологических ориентиров исследования новейших технологий, характеризующих дискурс цифровизации, выработки адекватных

измерительных инструментов эмпирического характера. Однако насколько уместна онтологизация «цифрового» объекта исследования в контексте новой дисциплины?

Ряд современных исследователей утверждают самостоятельность цифровой социологии как социологической дисциплины. Так, Л.Ю. Шураева пишет: «Цифровая социология является междисциплинарным направлением, опирающимся на историю изучения интернета, информации и коммуникации, теорию медиаисследований и культурных исследований, социологию науки и технологии, мониторинговые исследования и компьютерную науку. Цифровая социология основывается на изучении новых медиакоммуникаций и форм коммуникации социальных сетей и сообществ, социальных институтов и индивидов» [18, с. 174]. Таким образом, цифровая социология в данном примере в качестве своего предмета исследования имеет цифровые артефакты, а методологически определяется синтезом уже сформировавшихся социологических направлений. Также цифровая социология может быть представлена и сферой практических исследований: «...в свою очередь цифровая социология является и практикой, которая отражает основные проблемы социологии, позволяя одновременно исследовать и экспериментировать с новыми методами» [18, с. 174].

Практическая ориентированность цифровой социологии и рассмотрение её как важного элемента эмпирической науки обладает несомненной значимостью. В условиях стремительной гибридации онлайн и офлайн сред, стирания между ними границ, формируется единое пространство цифрового (социального, культурного, экзистенциального) опыта современного индивида. В контексте новых форматов социологических данных, порождаемых цифровизацией, перспективным становится изучение так называемых цифровых следов, то есть фиксируемых активностей пользователя. Вследствие этого особую значимость могут приобретать «нереактивные методы» исследования [19], технологии анализа Больших данных, разработка которых (технологий) становится одним из магистральных направлений современной социальной науки, важной для изучения цифровой реальности как таковой.

Такое прикладное понимание цифровой социологии является весьма плодотворным. Однако релевантность самого термина «цифровая социология» или «дигитальная социология» может также определяться и новизной самого объекта исследования и исходных принципов его изучения. Так, В.Вахштайн пишет: «Мне словосочетание «дигитальная социология» кажется неудачным. Отчасти из-за самой его конструкции. ... видно, что, если «цифровой мир», «технологические инновации», «искусственный интеллект» для нас являются объектами исследований, то речь не идет ни о какой «дигитальной социологии». Речь идет о старой доброй «социологии техники». ... Дигитальная социология появится в тот момент, когда сама идея «цифрового» будет противопоставлена идее «социального», более того — «социальное» будет объяснено через «цифровое»» [10]. Мы полагаем данный подход более корректным. Именно акцент на новой объяснительной модели,

переписывании самой социологической аксиоматики может стать основанием для провозглашения цифровой или дигитальной социологии новой самостоятельной отраслью социологического знания. Социальное же может быть объяснено через цифровое, по нашему мнению, в случае становления подлинно новых, цифровых институтов, которые вытеснят прежние социальные. Пока этого не происходит и «цифра» лишь дополняет устоявшиеся социальные практики, институты и отношения, развивает для них соответствующую сетевую инфраструктуру, но не заменяет их. Поэтому, как мы полагаем, цифровая социология на данном этапе технологического развития может рассматриваться скорее в аспекте новых эмпирических методик сбора и анализа социологической информации (рассмотренных выше), но не формирования новой социологической отрасли. Некоторые исследователи также фиксируют потенциал социологии в связке с новыми «цифровыми» методами. Так, Л.А. Василенко пишет: «Big Data и парсинг данных (метод автоматического сбора баз данных из социальных сетей) значительно расширяют эмпирическое поле исследователя, обеспечивают наибольшую полноту комплексных анализируемых данных в цифровом виде (государственной и корпоративной статистики, документов, обращений граждан к органам власти и ответы на них, дискуссии в социальных сетях и т.п.), предназначенных для применения компьютерных алгоритмов, прогнозирования, моделирования. Широкое применение датчиков в технологиях интернета вещей в перспективе расширят эмпирическое поле практически до размеров генеральных совокупностей. Алгоритмы искусственного интеллекта, построенные на методах выявления закономерностей, уже сегодня позволяют исследователю извлечь принципиально новое знание» [20, с. 3090]. Полагаем, что именно грамотное и своевременное освоение социологией новейших цифровых методов может способствовать на перспективу революционным сдвигам в эмпирических исследованиях. Статус же «цифровой социологии» как отраслевой дисциплины будет оставаться спорным.

Выводы. Подводя итоги статьи, можно сделать ряд выводов. Сам концепт цифровой реальности по-прежнему остаётся размытым по содержанию, что сказывается на опыте теоретических и эмпирических исследований цифровизации. Важными теоретико-методологическими контурами изучаемого объекта являются:

- концептуальные рамки проблематизации цифрового дискурса, проявляющиеся в программных текстах, описывающих опыт пользовательской, экспертной и иной рефлексии;
- оценка потенциальных институциональных трансформаций, вызванных цифровизацией;
- анализ форм и категорий субъектности, порождаемых цифровыми технологиями;
- общий статус и потенциал цифровой социологии и «цифровых» методов эмпирического исследования в социологии.

Таким образом, нами представлены наиболее общие теоретические очертания концепта цифровой реальности и методологические подходы к её исследованию. Результаты проведённого в статье анализа не исчерпывают всей полноты и сложности изучаемого объекта и могут служить отправкой точкой дальнейшей разработки цифровой проблематики в социогуманитарной мысли как в теоретическом, так и в прикладном аспекте.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФ, проект № 19-18-00504.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kamensky E. Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys // *Economic Annals-XXI*. 2020. № 186 (11-12). P. 134-142.
2. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // *Economic Annals-XXI*. 2020. № 186 (11-12). P. 36-47.
3. Mayakova A., Grimov O. Digital reality: temporal aspects of discursive representation, social construction, predictive experience // *Proceedings of the 36th International business information management association (IBIMA)*: 4-5 November 2020, Granada, Spain. pp. 3793-3797.
4. Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Кореневский Н.А., Конаныхина Т.Н., Маякова А.В., Родионова С.Н., Чеклецов В.В. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации: Коллективная монография / Отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2020. 302 с.
5. Разин А.В. Этические проблемы искусственного интеллекта и цифровых технологий // *Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л.В. Шиповалова, С.И. Дудник*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. С. 154-163.
6. Гримов О.А. Цифровая реальность как объект манифестации // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2020. Т. 10. № 5. С. 218–228.
7. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 248 с.
8. Яблоков И. Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве / Илья Яблоков; Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 430 с.
9. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: Free Press, 1992. 418 p.

10. Вахштайн В. Прогресс технологий - далеко не всегда социальный прогресс [<https://www.colta.ru>]. Colta; 2021 [дата обращения 30.09.2021]. Доступно: <https://www.colta.ru/articles/society/26183-iz-zhizni-algoritmov-denis-kurenov-viktor-vahshtayn-dataizm-slepota-postradayut-slabeyshe>
11. Урри Дж. Офшоры. М.: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2017. 286 с.
12. Law J. After method: mess in social science research. Routledge, London, 2004.
13. Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford Press, 2005.
14. Руденко Н.И. Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло // Социология власти. 2012. № 6-7 (1). С. 38-51.
15. Игнатъев В.И. Техносубъекты социальной структуры гибридного социума // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3148-3157.
16. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
17. Евангели А. Формы времени и техногенная чувственность. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. 272 с.
18. Шураева Л.Ю. Развитие цифровой социологии в современной науке // Вестник университета. 2020. №3. С. 174-177.
19. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. №9. С. 21-30.
20. Василенко Л.А. Социология цифрового общества как отрасль социологического знания // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров; ред. Е. Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 3084-3096.

Contours of digital reality: theoretical and methodological aspects

Grimov O.A.

Southwest State University, Russian Federation, 305040 Kursk, 50 let Oktyabrya, 94

grimoleg@yandex.ru

Abstract

Topicality. Digital reality and digital technologies are becoming a more significant part of social life, bringing to life new types of sociability, forms of social practices and interactions. It is digitalization that is becoming now the main vector of technological development and thus becoming an object of research reflection.

However, despite significant interest of numerous scientific disciplines to the problem of digitalization and digital technologies, still the “digital” concept stays utterly vague, there is no clear theoretical and methodological outline of digital reality as an object of research, the categorical framework has not been developed yet. This article is aimed to close these gaps.

Aim. The aim of this article is to study the most important theoretical and methodological outlines of digital reality as a concept of socio-humanistic studies.

Objectives: 1) studying the conceptual framework of digital discourse problematization that appears in various program texts which describe the experience of users’, experts’ and other types of reflection; 2) analyzing potential institutional transformations caused by digitalization; 3) exposing forms of subjectivity created by digital technologies; 4) evaluating the general potential of digital sociology and “digital” methods of sociological research.

Methodology. In the article general scientific methods are used (induction, deduction, analyses, synthesis, idealization).

Results. The basic theoretical and methodological outlines of digital reality research have been studied, which can become a starting point of further development of digital problematic in socio-humanistic studies in theoretical as well as in practical aspect.

Conclusion. Studying digital reality is directly determined by evaluating forms of subjectivity brought by it, by analyzing possible perspectives and risks of digitalization, as well as by studying the broadest contexts of digital discourse problematization. The development of digital sociology as a separate sociological branch does not have significant basis, while sociological methods based on digital technologies are becoming more important.

Keywords: digital reality, digital technologies, discourse, digital sociology, actor.

Conflict of interest: in the presented publication there is no borrowed material without reference to the author and (or) source of borrowing; no results of scientific works performed by the author (s), personally and (or) in collaboration, without relevant links. The author (s) declares no conflict of interest related to the publication of this article.

References

1. Kamensky E. Digital technologies in the Russians' everyday life: analysis based on the opinion surveys // *Economic Annals-XXI*. 2020. № 186 (11-12). P. 134-142.
2. Aseeva I., Budanov V. Digitalization: potential risks for civil society // *Economic Annals-XXI*. 2020. № 186 (11-12). P. 36-47.
3. Mayakova A., Grimov O. Digital reality: temporal aspects of discursive representation, social construction, predictive experience // *Proceedings of the 36th International business information management association (IBIMA)*: 4-5 November 2020, Granada, Spain. pp. 3793-3797.
4. Arshinov V.I., Artemenko M.V., Aseeva I.A., Budanov V.G., Grimov O.A., Kamenskij E.G., Korenevskij N.A., Konanyhina T.N., Mayakova A.V., Rodionova S.N., Cheklecov V.V. Sociotekhnicheskij landshaft cifrovoj real'nosti: etiko-aksiologicheskie regulyativy, adaptacionnye mekhanizmy, sociotekhnicheskie modeli upravleniya processami cifrovizacii [Socio-technical landscape of digital reality: ethical and axiological regulatories, adaptation mechanisms, socio-technical models of managing digitalization processes]: kollektivnaya monografiya // *Otv. red. V.G. Budanov, I.A. Aseeva. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2020. 302 s. = collective monograph // Ed. V.G. Budanov, I.A. Aseeva. Kursk: JSC "University Book", 2020, 302 p. (in Russ.)*
5. Razin A.V. Eticheskie problemy iskusstvennogo intellekta i cifrovyh tekhnologij [Ethical problems of artificial intelligence and digital technologies]. *Filosofskaya analitika cifrovoj epohi: sb. nauch. statej* = Philosophical analytics of digital era: collection of scientific articles / Editors in chief: L. V. Shipovalova, S. I. Dudnik. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2020. P. 154-163. (in Russ.)
6. Grimov O.A. Cifrovaya real'nost' kak ob"ekt manifestacii [Digital reality as an object of manifestation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* = Proceedings of the Southwest state university. Series:: Economics. Sociology. Management. 2020. V. 10, № 5. P. 218–228. (in Russ.)
7. Ratti K., Klodel M. Gorod zavtrashnego dnya: Sensory, seti, hakery i budushchee gorodskoj zhizni [City of tomorrow: Sensors, networks, hackers and the future of urban life]. Moscow: Publishing house of Gaidar Institute, 2017. 248 p. (in Russ.)
8. Yablokov I. Russkaya kul'tura zagovora. Konspiologicheskie teorii na postsovetском prostranstve [Russian culture of plot. Conspirological in former Soviet Union]. Moscow: Alpina non-fiction, 2020. 430 p. (in Russ.)

9. Fukuyama F. The end of history and the last man. New York: Free Press, 1992. 418 p.
10. Vahstajjn V. Progress tekhnologij - daleko ne vseгда social'nyj progress [Technological progress does not always mean social progress] [<https://www.colta.ru>]. Colta; 2021 [date of access 30.09.2021]. Available: <https://www.colta.ru/articles/society/26183-iz-zhizni-algoritmov-denis-kurenov-viktor-vahstajjn-dataizm-slepoty-postradayut-slabejshie> (in Russ.)
11. Urri Dzh. Ofshory [Offshores]. Moscow: Publishing house Delo: RANEPa, 2017. 286 p. (in Russ.)
12. Law J. After method: mess in social science research. Routledge, London, 2004.
13. Latour B. Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford Press, 2005.
14. Rudenko N.I. Seti, znanie i real'nost': problematika social'noj topologii v koncepcii Dzhona Lo [Nets, knowledge and reality: problematics of social topology in John Law's concept]. *Sociologiya vlasti* = Sociology of power. 2012. № 6-7 (1). P. 38-51. (in Russ.)
15. Ignat'ev V.I. Tekhnosub"ekty social'noj struktury gibridnogo sociuma [Technosubjects of social structure of hybrid society]. *Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitanii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* = Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Conference proceedings of VI All –Russian sociological congress (Tyumen, 14–16 October 2020) / Editor in Chief V. A. Mansurov; editor. E. Yu. Ivanova. Moscow: RSS; FRCS RAS, 2020. P. 3148-3157. (in Russ.)
16. Harauej D. Manifest kiborgov: nauka, texnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h [Manifesto for cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s]. Moscow: Ad marginem press, 2017. (in Russ.)
17. Evangelij A. Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost' [Forms of time and technogenic sensibility]. Nizhnij Novgorod: Red Swallow, 2019. 272 p. (in Russ.)
18. Shuraeva L.Yu. Razvitanie cifrovoj sociologii v sovremennoj nauke [Development of digital sociology in modern science]. *Vestnik universiteta* = University Bulletin. 2020. №3. P. 174-177.
19. Dudina V.I. Cifrovye dannye – potencial razvitiya sociologicheskogo znaniya [Digital data – the potential of sociological knowledge development]. *Sociologicheskie issledovaniya* = Sociological research. 2016. №9. P. 21-30.
20. Vasilenko L.A. Sociologiya cifrovogo obshchestva kak otrasl' sociologicheskogo znaniya [Sociology of digital society as a branch of sociological knowledge]. *Sociologiya i obshchestvo: tradicii i innovacii v social'nom razvitanii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* = Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Conference proceedings of VI All –Russian sociological congress (Tyumen, 14–16 October 2020) / Editor in Chief V. A. Mansurov; editor. E. Yu. Ivanova. Moscow: RSS; FRCS RAS, 2020. P. 3084-3096. (in Russ.)

